

Экзистенциально-антропологическое измерение метафизики Декарта //Национальная философия в контексте современных глобальных процессов. Материалы международной научной конференции. г. Минск. 16-17 декабря 2010 года. Минск. «Право и экономика» 2011. с. 43-44.

ББК 87.3

Аннотация

В исследовательской литературе преобладает техноморфный образ картезианской метафизики. Обосновывается целесообразность и правомерность тезиса о существенности для Декарта экзистенциально-антропологического измерения.

Анотація

В дослідницькій літературі домінує техноморфний образ картезіанської метафізики. Обґрунтовується доцільність та правомірність тези щодо істотності для Декарта екзистенційно-антропологічного виміру.

Экзистенциально-антропологическое измерение метафизики Декарта

Признание фундаментальной роли метафизики в философии является инвариантным моментом в истории европейской мысли, значимость которого все чаще подвергается сомнению в последнее время. Внимательное отношение к этим противоречивым тенденциям позволяет разглядеть за внешней изменчивостью процесс существенного обновления базисных положений метафизики. Здесь целесообразно обратить внимание, что базисная (насуточная и неизбежная) потребность человека во надвременных, абсолютных смыслах традиционно в европейской культуре удовлетворялась в рамках религиозно – философского мировоззрения, а формой ее экспликации выступает метафизика.

В центре философской мысли современной эпохи находится проблема адекватного отношения к классической метафизике эпохи Модерна, точнее, судьба ее экзистенциального измерения. Особую остроту и драматичность она приобретает на протяжении XIX-XX веков в форме нигилизма по отношению к классической философии, который угрожает разрушением оснований самой цивилизации.

Предпосылкой содержательного изложения темы является внимание к тенденции реабилитации метафизики в современной культуре в ходе поиска путей конструктивного преодоления кризиса духовных оснований европейской цивилизации.

Очерчивая структурные изменения в сознании нашего современника, целесообразно подчеркнуть провал идеи эмпирического обоснования мировоззрения и, как следствие, реабилитацию тех внеопытных (внеэмпирических) и необъективирующих форм постижения мира, которые до сих пор находились на втором плане, а именно - метафизики и религиозных форм знания.

Традиционно метафизика Картезия воспринимается в усеченном, редуцированном виде. Как правило, внимание акцентируется или на методологической направленности его учения, или же на его техноморфно истолковываемой метафизике. Казалось бы, к такому однозначному варианту понимания его наследия нас побуждает и сам французский мыслитель (если вспомнить такие названия его работ - «Правила для руководства ума» и «Рассуждения о методе»).

Внимательное отношение к текстам Декарта свидетельствует о наличии тех измерений его наследия, которые до недавних пор незаслуженно обделялись вниманием.

Момент возникновения интереса к экзистенциально – антропологической метафизике – это момент рождения Декарта как философа, начало которого он обозначает словами «чудесное открытие», а содержательно формулирует в виде проблемы: «По какому жизненному пути я последую?...» [1, с. 574].

Обоснование правомерности антропологической интерпретации учения французского мыслителя предполагает усиленное внимание к глубинным интенциям его творчества. В ходе написания «Правил для руководства ума» ключевой проблемой (и главным предметом своих размышлений) в одном из частных писем он называет проблему оснований должного способа человеческого бытия, а именно – поиски ответа на вопрос: «Чем мне необходимо руководствоваться в жизни?» [2, с.584].

Анализируя проблему наличия и форм проявления антропологической интенции Декарта в более зрелых работах философа, целесообразно обратить внимание на первоначальное название работы, известной сегодня как «Рассуждения о методе», а именно - «Проект всеобщей науки, которая способна поднять нашу природу на более высокую ступень совершенства». Результаты дальнейших размышлений Декарта зафиксированы в определении предмета философии как доказательстве существования Бога и бессмертия души.

Для того, чтобы сделать более очевидным факт наличия экзистенциального выбора в философии Декарта и его фундаментальной роли в учении, а также акцентировать производный характер предложенного им понимания предмета философии, целесообразно реконструировать ту ситуацию выбора, которая была исходным пунктом его размышлений.

Несамостоятельность человека Нового времени проявляется уже в его первичном ощущении себя как существа зависимого и несамодостаточного. Во времена Декарта прежде всего Бог был тем началом, зависимость от которого постоянно ощущал человек. Но уже современник его Паскаль восставал как против истолкования Бога только как «Бога ученых и философов», так и подчеркивал «подвешенный» характер человеческого бытия, формы проявления которого не исчерпываются зависимостью от Бога. Б.Паскаль был мыслитель, который особенно остро ощущал всю зыбкость человеческого существования и постоянную угрозу ему со стороны небытия. В современной философии для обозначения небытия часто употребляется один из его синонимов – Ничто. Критически оценивая метафизические основания современной культуры философы склонны определять как союз человека и Ничто, подчеркивая изначальный характер Ничто и ничтоженствования. Таковы, в частности, позиции Хайдеггера и Сартра.

В основе вышеприведенных поверхностных подходов лежит отождествление редукционистской установки с метафизикой Декарта.

Одной из предпосылок критического преодоления нигилистического истолкования антропологического измерения картезианской метафизики является обращение к тому варианту его интерпретации, который предложил автор «фундаментальной онтологии». Провозглашаемое М.Хайдеггером как экзистенциалистом внимание к отдельному человеческому бытию, казалось бы, должно здесь проявиться в герменевтическом анализе наследия Декарта и обнаружению родственных антропологических мотивов. Поводом для оптимистической окраски наших ожиданий выступают те высказывания мыслителя на страницах «Европейского нигилизма», которые побуждают нас к пересмотру устоявшихся хрестоматийных истолкований картезианства. Это, в частности, тезисы о несоответствии формы изложения реальному содержанию метафизики, неоднозначности содержания понятий рационализма и математичности как чего-то самоочевидного, тезисы о невозможности понять *cogito* как силлогизм и о наличии у *cogito* собственных предпосылок.

Тем не менее, Хайдеггер не склонен воспринимать французского философа как потенциального собеседника в ходе поиска путей конструктивного осмысления современной кризисной ситуации, авершенное, схематизируя содержание картезианской метафизики, сглаживая ее противоречия и неоднозначные моменты в угоду своей монистически-линейной схеме истории философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Небольшие статьи 1619 – 1621 гг. //Декарт Р. Соч. в 2-х т., Т. 1, - М., 1989, - С. 574.
2. Декарт Р. Из переписки 1619 – 1643 гг.// Там же, - С. 584.

1. Організація та проведення до «Міжнародного дня філософа» міжкафедрального теоретичного семінару на тему «Європейська наука в культурному дискурсі». Доц. Малівський А.М.
2. Виступ на міжкафедральному теоретичному семінару Доц. Малівський А.М.
3. Редагування програми та тез доповідей 71-ї студентської наукової конференції «Гуманітарні проблеми та міжкультурна комунікація». Доц. Малівський А.М.